

Работа выполнена в Секторе русской и советской литературы
Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор В.Г.ОДИНОКОВ

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор Н.Л.ЛЕЙДЕРМАН

кандидат филологических наук,
ст.преп. А.С.СВАРОВСКАЯ

Ведущая организация – Новосибирский государственный
педагогический институт

Защита состоится 10 января 1992 г. в 10 часов на засе-
дании специализированного совета К 063.53.06 по присуждению
ученой степени кандидата филологических наук в Томском ордена
Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени госу-
дарственном университете им. В.В.Куйбышева /634050, г.Томск,
пр. Ленина, 36/.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТГУ.
Автореферат разослан 10 декабря 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук

Л. Захарова – /Л.А.ЗАХАРОВА/

Творчество А.М. Ремизова еще мало изучено, хотя интерес к нему закономерно возрастает. В настоящее время насчитывается сравнительно небольшое количество статей и публикаций, посвященных этому писателю. Наиболее значительные труды появились относительно недавно (работы А.А.Данилевского, А.М.Грачевой, В.Н.Топорова и др.). В течение трех лет (1988 - 1991 гг.) было выпущено несколько сборников произведений Ремизова со вступительными статьями и комментариями: "Неумный бубен", Кишинев, 1988; "Взвихренная Русь", М., 1990; "Избранное", Л., 1991 и т.д. Но, к сожалению, пока еще нет ни одной монографии, не защищена ни одна диссертация.

Определенный вклад в характеристику творческого метода Ремизова внесли специалисты по древнерусской литературе, изучающие его "пересказы" и "стилизации" древнерусских повестей, легенд апокрифов (Я.С.Лурье, Р.П.Дмитриева, А.М.Грачева, А.В.Пигин). Отдельные статьи были посвящены вопросу творческой ассимиляции художественного наследия Ф.М.Достоевского, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя (М.В.Безродный, А.А.Данилевский, М.В.Козьменко, А.С.Сваровская, Л.Л.Фиалкова). Все названные работы являются первыми подступами к осмыслению поэтики А.М.Ремизова как системы. Разумеется, чтобы выстроить такую систему, необходим анализ не только составляющих ее частных элементов, но и монографическое исследование поэтики отдельных произведений, как "подсистем". Значительную системообразующую роль играет поэтика романа "Крестовые сестры".

Актуальность темы данной диссертационной работы определяется двумя обстоятельствами: безусловной значимостью поэтики романа для понимания всего творчества Ремизова, типологических особенностей его поэтического мастерства; малой степенью изученности проблемы.

Предмет исследования - роман "Крестовые сестры" в контексте раннего творчества и, прежде всего, в контексте собрания сочинений Ремизова 1910-1912-х годов. Выбор этого произведения объясняется его художественной значимостью и концептуальной целостностью. Критикой того времени роман признавался одним из вершинных достижений литературы 1910-х гг. В "Крестовых сестрах" наиболее полно в поэтической форме воплотилась мифологическая концепция автора. Включение романа в контекст собрания сочинений диктуется

необходимость определить место этого текста в структуре всего ансамбля (построенного не традиционно, а с нарушением жанрово-хронологического принципа). Следует отметить, что собрание сочинений в целом композиционно тяготеет к структуре мифа. Роман "Крестовые сестры" занимает особое место в цикле сочинений писателя, знаменуя своеобразный перелом в развитии авторской идеи — после "Крестовых сестер" намечается тяготение к утверждению христианского идеала в поэтике произведений. В полной мере это отразилось в "Отреченных повестях" УП тома и "Русальных действиях" УШ тома.

Выяснение и анализ взаимосвязей внутри собрания, особенно по отношению к указанному роману, дает в результате богатый материал для наблюдения над текстом "Крестовых сестер" с точки зрения поэтики, в которой мы выделяем особенности мифологического мышления.

Русские и зарубежные ученые неоднократно обращались к характеристике творческого метода А.М.Ремизова. Мировоззрение писателя рассматривалось в русле философии и эстетики символизма (З.Г.Милец, А.А.Данилевский); дискуссия о методе, начавшаяся еще в дореволюционный период (М.Кузмин, В.Кранихфельд и др.), получила свое развитие в настоящее время (В.А.Келдыш, А.М.Грачева, А. Shane, A. Wiesvorek). Кроме того уже накоплен историко-литературный материал, библиографическая литература (Н. Sinany, S. Aronian, С.С.Гречишкин и др.), помогающая войти в контекст жизни и творчества А.М.Ремизова. Все это позволяет сформулировать цель и задачи данной работы и определить ее место в исследовательской традиции.

Целью настоящей работы является анализ поэтики романа "Крестовые сестры", в которой отразились и сконцентрировались особенности авторской версии "мифа", характерной для всего раннего творчества писателя. Исследуется также структура ремизовского "мифа". При этом ставятся следующие задачи:

— рассмотрение романа в контексте раннего творчества и определение его места в структуре собрания сочинений для выяснения возможных художественных взаимосвязей, определяемых развитием авторской мысли.

— изучение и анализ поэтики самого романа с точки зрения

мифологической структуры.

При решении поставленных задач использован системно-типологический метод в комплексе с лингво-стилистическим.

Научная новизна диссертации определяется следующими моментами:

- впервые выясняется ансамблевая композиция собрания сочинений А.М.Ремизова 1910-1912 гг.

- по-новому анализируются художественные особенности романа "Крестовые сестры" с точки зрения поэтики мифа.

Особое значение в данной работе имеет библиография. Не претендуя на полный охват литературы о Ремизове в мировом масштабе (не все материалы доступны, особенно это касается зарубежных публикаций, а часть из них доходит до нас с опозданием), мы заметим, что в виду отсутствия в отечественном литературоведении сколько-нибудь полной библиографии о творчестве этого писателя (специальных публикаций такого рода еще не было) - список использованной литературы данной работы может быть полезным для исследователей, а также может быть использован как основа для дальнейшего библиографического поиска.

Материалы диссертации были апробированы в докладах на Всесоюзной студенческой конференции Новосибирского университета (1988, 1989), конференции молодых ученых ИИФФ СО АН СССР (1990), конференции "Проблема характера в литературе" в г.Челябинске (1990), на межвузовском семинаре "Пространство и время в литературе и культуре" в г.Даугавпилсе (1991), в публикациях. Работа обсуждена на заседании Сектора русской и советской литературы Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Практическая значимость работы: ее материалы и положения могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества А.М.Ремизова, в общих курсах русской литературы рубежа XIX-XX веков, при разработке спецкурсов и семинаров, посвященных проблемам модернистской прозы.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется предмет и метод исследования, прослеживается история вопроса и формулируются задачи, которые

ставит перед собой автор.

Анализируются статьи дореволюционного, советского периодов и материалы зарубежной славистики, в результате чего ставится вопрос о необходимости более пристального исследования поэтики, так как в дореволюционной критике эта проблема не выделялась вообще в силу специфики самого жанра критического очерка (за исключением собственно литературоведческой работы А.Рыстенко); в послереволюционный период большее внимание уделялось историко-литературному аспекту творчества А.М.Ремизова, что, в определенном смысле, и подготовило почву для работ по поэтическому анализу (следует заметить, что эти работы появились в 80-е годы после долгого периода замалчивания имени писателя - по идеологическим соображениям, ведь подвергалась сомнению его позиция писателя-эмигранта, "не принявшего революцию"); в западно-европейской и американской славистике накоплен материал по систематизации самих произведений писателя, литературы о нем (мемуарного и собственно научного плана), издана переписка и т.д., однако работ по исследованию структуры текста, художественного языка не так уж много (А. Kodjak, Ch. Rosenthal, O. Rievsky-Huges). Работ непосредственно о "Крестовых сестрах" западно-европейских авторов мало.

В дореволюционной критике, посвященной творчеству А.М.Ремизова, основное место занимают анализы его мировоззрения, иногда - характеристики особенностей поэтического языка. Основным итогом критики этого периода можно считать попытку определения места Ремизова в русской философско-религиозной традиции, вслед за А.С.Пушкиным и Ф.М.Достоевским (А.Долинин), выделение комплекса проблематики, до сих пор не попадавшей в поле внимания исследователей: тема женского подвижничества и религиозные искания (А.Рыстенко), "простонародность" ремизовской религиозности (Г.Чулков), неоднозначность понимания писателем детства (В.Брусянин), жанр и стиль в его творчестве (М.Кузмин, В.Кранихфельд). М.Кузмин тонко подметил в литературе начала XX века появление переходной, новой формы романа, отличной от таковой XIX века, но только в недавнее время модернистский, символистский роман стал объектом изучения литературоведов (З.Г.Миц, С.П.Ильев).

В зарубежном литературоведении можно выделить несколько

направлений, по которым идет изучение творчества А.М.Ремизова: исследование положения этого писателя в контексте модернизма относительно других писателей его круга - Вяч.Иванова, А.Блока, В.Хлебникова и др. (H. Baran, C. Ebert), анализ отдельных элементов поэтики, языка (R. Bialy), рассмотрение его творчества в русле традиций предыдущей культуры (A. Brown, R.L. Jackson). Однако, работ, выдержанных в широком культурном контексте, учитывающих древнерусские традиции и верования, немного. Изучение

традиционной культуры того или иного народа требует досконального знания языка и реалий; совершенно естественно, что творчеством А.М.Ремизова успешно занимаются эмигранты (А.Синявский).

Выходят и искусствоведческие статьи (И.Маркадэ), где предметом исследования является графика, каллиграфия А.М.Ремизова, - у нас единственной работой такого рода является публикация М.В.Безродного об одном ремизовском автографе. И хотя некоторые рисунки писателя были изданы (Рисунки русских писателей ХУП-нач.ХХв. М., 1988. - С.191-200), искусствоведческие статьи о Ремизове - пока большая редкость.

В последние несколько лет интенсивно развивается восточно-европейское ремизоведение (особенно польское). Внимание литературоведов здесь привлекают различные аспекты мировоззрения писателя (К.Секе), поэтики (М.Дрозда, В.Gasiorowska, L.Kapala, H. Waszkielewicz, A.Wozniak).

В советском литературоведении подлинно научный подход к изучению творчества А.М.Ремизова проявился только в 80-е годы (хотя отдельные статьи появлялись и раньше (М.В.Безродный, М.В.Козьменко). Самые первые публикации после длительного молчания в 30-50-е гг. отличались вульгаризированными представлениями о роли художественного творчества в общественном сознании и о свободе творческого поиска писателя - Ремизова обвиняли в неприятии революции, а в его произведениях находили признаки "упадка" и "смакования" натуралистических сторон жизни (Л.Усенко, Л.А.Смирнова). Конечно, и эти материалы нужно учитывать при рассмотрении истории вопроса, хотя они и не могут служить научной базой.

Приоритет в исследованиях, посвященных А.М.Ремизову, несомненно принадлежит тартусским и ленинградским литературоведам,

представителями этих научных школ история и теория символизма изучалась непредвзято уже в то время, когда еще имена самих символистов, кроме, пожалуй, А.Блока и В.Брюсова, находились под запретом. Таким образом, самыми авторитетными работами о Ремизове являются работы М.В.Безродного, В.Н.Топорова, А.А.Данилевского, А.М.Грачевой, С.С.Гречишкина.

Нужно заметить, что ученые, занимающиеся в настоящее время творчеством А.М.Ремизова, поставлены в трудные условия, так как большая часть ремизовского наследия, хранящегося в архивах и напечатанного за рубежом, еще не опубликована в советских изданиях.

Мешает и отсутствие сводной библиографии; в каталогах даже центральных библиотек страны (таких как ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина и Библиотека им. В.И.Ленина) нет необходимой научной информации.

*

*

*

Роман "Крестовые сестры" рассматривается нами как "квинт-эссенция" художественно-философской проблематики раннего творчества А.М.Ремизова. Обращается внимание на то, что символистская ориентация хотя и прослеживается довольно отчетливо в творчестве этого писателя в этот период, но особенности метода нельзя объяснить только философией и поэтикой символизма. Пристальное внимание должно быть уделено функционированию в тексте мотивов литературы XIX века, древнерусской литературы и фольклора. Намечаются, таким образом, подходы к решению основной задачи ремизоведения - определить место творчества А.М.Ремизова в литературном и культурном процессе начала XX века.

Во введении также объясняется жанровое определение автором диссертации "Крестовых сестер" как романа. При аргументации использованы теоретические разработки З.Г.Минц (символистский

"роман-миф"), Ильева С.П. ("мистериальность" модернистского романа), проанализированы высказывания писателя о жанровой природе его произведений, мнения дореволюционных критиков о жанре "Крестовых сестер". В результате автор данной работы склоняется к термину "роман", выделяя при этом его мифологическую структуру.

В конце введения поясняется выбор источников, включая архивные материалы (мемуары, переписка, варианты произведений), часть из которых еще не издана; обосновывается структура диссертации. Структура работы находится в зависимости от раскрытия внутренней логики ремизовского "мифа" истории: сначала выясняется специфика композиции собрания сочинений, определяется место "Крестовых сестер" в этой композиции как кульминационной точки; затем рассматривается поэтика романа (сюжет, образ, художественное время, стилистика и пр.) в связи с идеалом "небесного", ориентированного на ремизовскую идею о "богоизбранности" "женственной души" России. Центральная коллизия соловьевского мифа - "Пленение Хаосом Души Мира", получает у Ремизова национальную окраску. Таким образом, общая идея ремизовского мифа рассматривается нами в первой главе данной работы, мифологический аспект поэтики романа "Крестовый сестры" - соответственно во второй и третьей главах (поэтика "женственного" и поэтика "хаоса"). Трехчастная структура мифа по логике вещей требует еще одной главы, посвященной синтезу - "небесного" и "земного", но своеобразие концепции Ремизова - в ее дисгармоничности: синтеза у него не происходит. О причинах этого своеобразия сказано в первой главе и в заключении работы.

Глава первая диссертации "Миф и принципы художественного ансамбля (собрание сочинений А.М.Ремизова 1910-1912 гг.)" открывается анализом дискуссии о творческом методе А.М.Ремизова. Пристальное внимание уделено термину "неореализм" (А.Шане, А.М.Грачева), обосновывается необходимость контекстуального подхода к изучению творчества писателя, так как вне контекста и без учета ремизовского тяготения к составлению сборников по принципу целостного ансамбля с его развивающейся и получающей свое логическое завершение внутренней идеей, любое произведение Ремизова не может быть проанализировано без угрозы обеднения

художественного смысла. Вслед за этими положениями излагается последовательность распределения произведений внутри собрания сочинений по томам, обращается внимание на нарушение хронологии, высказывается предположение об ансамблевой целостности собрания. Далее это предположение подкрепляется подробным анализом произведений с точки зрения религиозной концепции "народного христианства", синтезированной самим писателем. Структура собрания сочинений определяется двумя категориями - "земного" и "небесного". "Земное" - это апология зла, дьявольское начало, связанное с жизнью тела. Изначальная точка отсчета развития авторской мысли представлена в первом произведении первого тома - это "Неуемный бубен", где силен эротический подтекст. Идеалы "небесного" воплощены в подвиге Христа, Богородицы, святых - ярче всего это проявилось в УП томе ("Страсти"). При этом читатель и исследователь сталкивается с явным отступлением от официального религиозного канона. Вместо канонической Троицы в этом томе представлена "Троица" народно-христианская: Христос, Богородица, Никола. Ремизовым контаминированы элементы христианской мифологии и наивного язычества; апокрифическая традиция "подновляется", осовременивается и еще более русифицируется (ремизовские "национальные версии" известных библейских сюжетов - о царе Содомоне, Иродиаде и др.). Между двумя полюсами "земного" и "небесного" пролегает огромное пространство человеческого страдания, соблазна и мятежа, а основным вопросом существования становится вопрос о смысле бытия с его извечной проблемой выбора и невозможностью соединить разум и веру. Ремизовская мысль движется от бунта - как тупикового, разрушительного Пути, к смирению - сознательному принятию страдания, совершению жертвы во имя христианской любви. Смирение и покорность должны быть дифференцированы: покорность - лишь безвольное вовлечение в мировое зло, муки "слепых", которым не дано понять высокий смысл земного страдания, долженствующего открыть человеку свет истинной веры.

Роман "Крестовые сестры" в композиции собрания сочинений определяется как "переломное" произведение на пути к принятию веры - роман становится логическим завершением поисков смысла жизни без Бога в сердце. Крах судьбы главного героя повествования и обреченность всего человечества в преддверии Апокалипсиса,

человечества, потерявшего веру, показывает безнадежность поисков смысла жизни с рациональных позиций. Для Ремизова идеалом нравственного возрождения человека является "народное" христианство, в его "истинном", реконструированном самим писателем, художественном варианте. Путь от язычества к христианству индифферентным образом изображен в I томе ("К морю-океану"), в II томе христианская идея восторгается. В III томе, где помещены драматические произведения, выдержана та же логика композиции пьес — от "земного" к "небесному": от "Бесовского действия" с его мотивами искушения и соблазна (использование мотивов Киево-Печерского патерика, например, Дития Моисея Угриня) до "Действия о Георгии Храбром", где Св.Георгий предстает мучеником за "русскую" веру.

Следует заметить, что отсутствие синтеза в ремизовской мифологической концепции проявилось в резком разграничении жизни тела и духа, возведение последнего на недостижимую высоту. Телесное однозначно трактуется как обитель дьявола, а земная любовь как бесовское наваждение. В II и III томах собрания сочинений, где авторская идея всего ансамбля получает свое завершение, греховность страстей ("О безумии Иродиадином") резко контрастирует с духовным подвигом Христа ("Страсти"). Тщета всего земного перед лицом жизни вечной предстает очевидной истиной в притчах "Паралипоменона" ("Кузьма и Демьян"), наивный дидактизм которых объясняется природой этого жанра.

Мифологическая структура, определившая композицию собрания сочинений, отразилась и в "Крестовых сестрах". В этом романе обнаруживается стремление писателя дать идеализированный образ "России-мученицы" средствами поэтики.

Вторая глава "Поэтика "женственного" в романе А.М.Ремизова "Крестовые сестры" посвящена анализу особенностей художественных приемов, использованных при создании различных элементов структуры текста, с точки зрения распространенной в то время мифологии ("женственная душа России подвергавшаяся насилию извне"), нашедшей свое обоснование в работах Н.Бердяева.

Анализ поэтики романа "Крестовые сестры" предварен обзором литературной традиции начала XX века относительно разработки темы "женского" начала в связи с влиянием на литературный процесс Ф.М.Достоевского, Ф.И.Тютчева, В.С.Соловьева. "Узкий"

контекст представлен ранним творчеством Ремизова 1900-1920-х гг., где категория "женственного" имеет устойчивый характер. Хотя в отдельных произведениях писателя ("Царевна Мымра", "Неуемный бубен", "Пятая язва" и пр.) героини - сугубо земные женщины, подверженные всем пагубным страстям, однако акцент на женской духовности в противовес мужской "телесности" наблюдается в большом количестве текстов и вряд ли это можно считать простой случайностью ("Пруд", "Крестовые сестры", "Пятая язва", "Плачущая канава"). Если в произведениях А.Блока и В.Брюсова мы встречаем героинь - носительниц "астартизма", героинь - врагов в любовном поединке, то у Ремизова и для "падших" найдется слово сочувствия. "Падшие" бессильны что-либо изменить в своей судьбе. Ремизов - убежденный фаталист, убежденный, что "одни рождены для земли, а другие для неба". Он следует за Достоевским, видя в таких героинях жертв; изображая гибельность любви-обладания, равной смерти, идет вслед за Тютчевым. Однако Ремизов сам признается, что ему непонятно чувство любви-ненависти, любви-мучительства, столько тонко подмеченное и описанное Ф.М.Достоевским, в произведениях Ремизова мы не видим "инфернальных" женщин.

Раздвоенность характера, метания между Богом и дьяволом, трагические поиски веры и смысла жизни - удел сильной половины человечества; характерные герои - Николай Финогенов, Нелидов, Маракулин. Двойственность, как правило, чужда женской натуре в понимании Ремизова. Женский характер у него целен: либо падшая (что встречается не так уж часто), либо святая (таких очень много).

Кроме четко выраженной оппозиции мужского - женского как греховного - праведного, земной бездны - горных высот, проявившейся в создании ряда сюжетных коллизий (особенно это заметно в "Крестовых сестрах"), трагедия земного существования запечатлена в повторяющихся схемах женской судьбы, где, как правило, нет места супружескому счастью и взаимной любви. Семейная жизнь омрачена непониманием, отсутствием чувства, возмездие за ошибку, совершенную в юности, преследует героиню всю жизнь ("Покровенная"). Воссоединение с избранником (избранницей), невозможное при жизни, мыслится как возможное после смерти ("Павочка"), во сне или мечтах ("Мальвина", "Сестра усердная"). Это непрео-

долимое одиночество для Ремизова, как и для некоторых других символистов, было полно особого смысла: как и В.С.Соловьеву, Ремизову частная жизнь человека представлялась отражением мировых коллизий. Супружеское счастье являлось знаком мировой гармонии, а невозможность его – дисгармоничности земного бытия. Мистериальность земной жизни проявлялась в вечном повторении христианских сюжетов.

Объединение отдельной человеческой судьбы с судьбой страны и мира происходит в художественном повествовании, построенном по законам мифопоэтики: Ремизов создал "национальный" вариант истории, поставив в особую позицию по отношению к другим странам "Россию-мученицу", "женственная душа" которой подвергалась поруганию "поганых". В свете такого мышления печать "богоизбранности" ложилась на весь русский народ. Миф о "России-мученице" отчетливо проявляется в поэтической структуре "Крестовых сестер", хотя элементы его заметны и в "Пруде", и в "Пятой язве", и в "Слове о погибели русской земли" и др.

В тексте "Крестовых сестер" ориентация на мифологему о "женственной душе" России проявляется в авторской акцентировке женской духовности, воспеваемой средствами традиционной культуры – фольклорной и апокрифической, прежде всего. Это позволяет сделать заключение о ремизовском идеале "Святой Руси" – особо важное значение имеет "подсветка" судеб и характеров героинь образом Богородицы – народной заступницы и утешительницы (именно такой образ сложился в народной традиции, в "Хождении Богородицы по мукам" и известном духовном стихе "Михайло Архангел"). На примере судьбы одной из героинь – Веры Вехоревой, олицетворяющую современную писателю, гибнущую Русь, Ремизов предсказывает катастрофу стране, теряющую свои традиционные духовные ценности. По мнению писателя только истинная вера, могущая объединить всех и вся, преодолет всеобщий хаос, а спасение следует искать в реликтах народной религиозности и фольклора. Этот вариант "соборности", где "золотым веком" является допетровская Русь, выглядит трагической попыткой культурного объединения нации. Трагизм – в иллюзорном идеализировании прошлого – недаром, все лучшее в романе видится героям только в снах и мечтах (харак-

терны сны Куравлевой о ее родине – Русском Севере, символе "Старой Руси", избежавшей тлетворных западных влияний, ее мечты – омыться в "Иордан-реке", чтобы приобщиться к истинной вере, забытой ею). Очевидна книжная природа источников, которыми пользуется писатель, фольклорные тексты он черпает из сборников Григорьева, Рыбникова, Киреевского, трудов Афанасьева, Веселовского и др.

Идеал "духовности" воссоздается поэтическими средствами на основе фольклорных и апокрифических текстов, известных и популярных в народной традиции, и, по преимуществу, распространенных в конце XIX – начале XX века на Севере. Кроме вышеупомянутых сборников следует отметить издание Гильфердинга и "Древние российские стихотворения" Кирши Данилова, к которым Ремизов обращался в ходе работы над "Крестовыми сестрами". Для реконструирования народной религиозной традиции Ремизовым использовались широко известные духовные стихи – о Голубиной книге, о Георгии Храбром.

Все "чуждое" русской культуре однозначно маркируется знаком " – ". Угроза разрушения и утраты традиционных ценностей исходит и с Запада (функционирование в тексте иностранных фамилий, сам образ "немецкого, голландского" Петербурга, образ города-призрака и т.д.) и с Востока (использование Ремизовым семантики желтого цвета, интерпретация игры на балалайке как явления турецкой культуры). По мнению писателя все петровские преобразования поглотила и растворила в себе "мистическая славянская душа". Особый путь исторического развития России – в ее "богоизбранности" – эта концепция определяет специфику женских образов в романе, где каждая героиня в отдельности и все вместе – овеяны ореолом мученичества, а исторические аналогии напрашиваются сами собой при анализе биографических деталей (о Вехоревой сказано, что она родилась на юге, воспитывалась в Москве, гибнет в Петербурге, а ее содержатель носит "говорящую" фамилию Варягинский).

Итак, для Ремизова – центральная коллизия романа – "плениение Хаосом Души Мира". "Душа Мира" – Россия гибнущая и озаряющая мир светом "истинной" веры. Этот " плен " у Ремизова (мотивы

"изнасилованной души" как варианта "поруганной красоты") представлен как национальная трагедия с одной стороны, и как всемирная трагедия, когда зло неизбежно, — с другой. "Хаос" — земная жизнь человека и человечества, это ловушка для "слепых" и испытание для пресревших, уготованных к жизни иной. Анализ поэтики "хаоса" — тема третьей главы работы.

Третья глава "Поэтика "хаоса" в романе А.М.Ремизова "Крестовые сестры" начинается с обзора культурной ситуации начала XX века, когда среди модернистов и тяготевших к ним деятелей культуры отмечался феномен "подполья" — "страха жизни" (что было отчасти философским и художественным переосмыслением наследия Ф.М.Достоевского). Ремизов во многом разделял эти взгляды, находясь в той же культурной среде. Анализ поэтики романа дается через призму ремизовских взглядов на историю России и мировую историю как на дьявольский балаган, кукольный театр, игру скомоухов. Театр, игра, пародия, где смешное переплетается, сливается с ужасным, становится ведущим приемом в изображении мира "хаоса". Писатель также широко пользуется наследием древнерусской культуры и классической литературы XIX века.

Действительность начала века предстает как искаженное отражение прошлого, когда писатель пародирует фольклорные тексты (например, былины), имеющие для него непреходящую ценность (при создании явно пародийных образов Лещева и Ракова используются эпические детали былинного повествования). "Выворачивание наизнанку" как структурообразующий принцип, определяющий авторское отношение к миру "хаоса", выдержан на всех уровнях текста. Небывалый эффект нарастающего абсурда дает прием наслоения пародии на пародию, как это происходит, например, при использовании Ремизовым "Сказания о крестьянском сыне" для разработки сквозного мотива романа — воровства. Таким образом, писатель использует смеховые и "не-смеховые" по своей природе тексты в собственных пародиях.

История как игровая действительность дается Ремизовым через образ Петра I, которого писатель называл "скомоухом". Фигура этого царя не столь однозначна в творчестве Ремизова, нежели это можно наблюдать у Д.Мережковского. Хотя Ремизов и называет царя "Антихристом" ("Пруд"), для него Петр I не только

вершитель судеб, он такая же жертва мирового зла, как и "маленький человек", или погубленный. В "Крестовых сестрах" этим "маленьким человеком" станет Маракулин: встреча Маракулина с Медным Всадником ознаменует замыкание кольца истории и уравнивает обоих перед лицом надвигающегося Апокалипсиса (в этой сцене Ремизов предвосхитил А.Белого, а тот, в свою очередь, в романе "Петербург" соединил две линии осмысления пушкинской традиции, намеченные Ремизовым и Ф.Сологубом ("Медный всадник" и "Пиковая дама").

"Раздробление" классической традиции литературы XIX века (прежде всего речь идет о Н.В.Гоголе и Ф.М.Достоевском) как прием в повествовании романа (особенно это касается главного героя) означает наступление регресса истории: Маракулин выступает в роли "сниженного" двойника Петра I, а Петр приравнен к нему в своем бессилии преодолеть косность российского уклада. На Маракулине также завершается традиция "маленького человека" - переписчика бумаг, подобного, с одной стороны, Башмачкину, а с другой - князю Мышкину с его "нелогичной" любовью к каллиграфии. (Здесь нужно учитывать и биографические черты самого писателя). Абсурдность маракулинской страсти к переписыванию бумаг вручную, когда в этом нет ни малейшего смысла, - это знак абсурдности существования, когда исчезают прежние культурные реалии, знак логического завершения, тупика традиционной трактовки образа "маленького человека."

Маракулин в своем лице воплощает отдельные черты характеров многих героев Ф.М.Достоевского, реминисценция такого рода не оставляет исследователя на протяжении всего анализа текста (аллюзии на мотивы, образы, сюжетные коллизии "Преступления и наказания", "Братьев Карамазовых", "Идиота", "Записок из подполья", "Белых ночей", "Сна смешного человека" и т.д.). Маракулин является "мельчающим" вариантом героя Ф.М.Достоевского, решающего проблему теодицеи. На протяжении всего повествования он размышляет, напряженно думает, пытаясь найти логическое объяснение страданий, смерти, смысла бытия (сон об отрезанной голове). Другой аспект образа Маракулина - взаимосвязь его со смеховой культурой Древней Руси (Маракулин не только "маленький человек" и "мечтатель", но и "вор" и "скоморох").

Такой характерный прием символизма, как введение в повествование двойников, ходячих манекенов, людей-марионеток, в творчестве А.М.Ремизова напрямую восходит к традициям сатиры ХУП века. Если и говорить об опосредованном влиянии, то скорее всего, это влияние Н.В.Гоголя ("Ревизор"). Однако, пародия А.М.Ремизова, несмотря на явную связь с пародией древнерусской, все же является модернистской по своей природе.

В заключении подводятся краткие итоги исследования, где отмечается, что художественно-философские поиски писателя находятся в зависимости от неославянофильских веяний в культуре начала XX века. Намечаются перспективы дальнейшей работы - одним из направлений таковой могло бы стать типологическое исследование модернистской прозы (А.М.Ремизов, Д.Мережковский, А.Белый и др.). Актуальной задачей является научная публикация текстов произведений А.М.Ремизова.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Философско-этическая концепция любви в ранней прозе А.М.Ремизова // Материалы XXУШ Всесоюзной студенческой конференции Новосибирского гос. университета. - Новосибирск, 1990. - С.60-64.

2. "Вечно-женственное" в интерпретации А.Ремизова (характеры и концепция) // Проблема характера в литературе. Тезисы докладов зональной научной конференции. 24-26 октября 1990 г. - В 3 ч. - Челябинск, 1990. - Ч.2. - С.20-22.

Формат 60x84/16

Объем 1 печ. лист

Заказ 603

Тираж 100

Отпечатано УД СО АН СССР 1991г.